

Герострат во храме

Кем был и кем не был Казимир Малевич

Независимая 2004 - 10 июня С.Б. - (примеч.)

НГ Ex Libris

Наталья Осминская

Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. В 2-х тт. / Авторы-составители И.Вакар, Т.Михиенко. - М.: RA, 2004, 584 с., 680 с.

В отечественном искусствоведении наступила новая эра: изучение русского авангарда прочно встало на рельсы архивного дела. Как в прошлом году питерский исследователь Андрей Крусанов порадовал публику выпуском второго тома своей фактографической эпопеи «Русский авангард», так теперь вот его московские коллеги из Государственной Третьяковской галереи подготовили к изданию монументальный двухтомный сборник мемуарных и документальных материалов к биографии Казимира Малевича. Долой мифы и стереотипы, да здравствуют выверенные факты и сдержанные комментарии!

Авторы-составители сборника Ирина Вакар и Татьяна Михиенко заверяют во вступлении, что их труд не претендует на академическую строгость. Это верно лишь в том отношении, что здесь многие материалы публикуются отнюдь не впервые: уже выходили «Главы из автобиографии художника», обнародованы письма, известные отзывы современников о Малевиче. И напротив, поскольку некоторые из источников ныне легко доступны, то на сей раз издатели

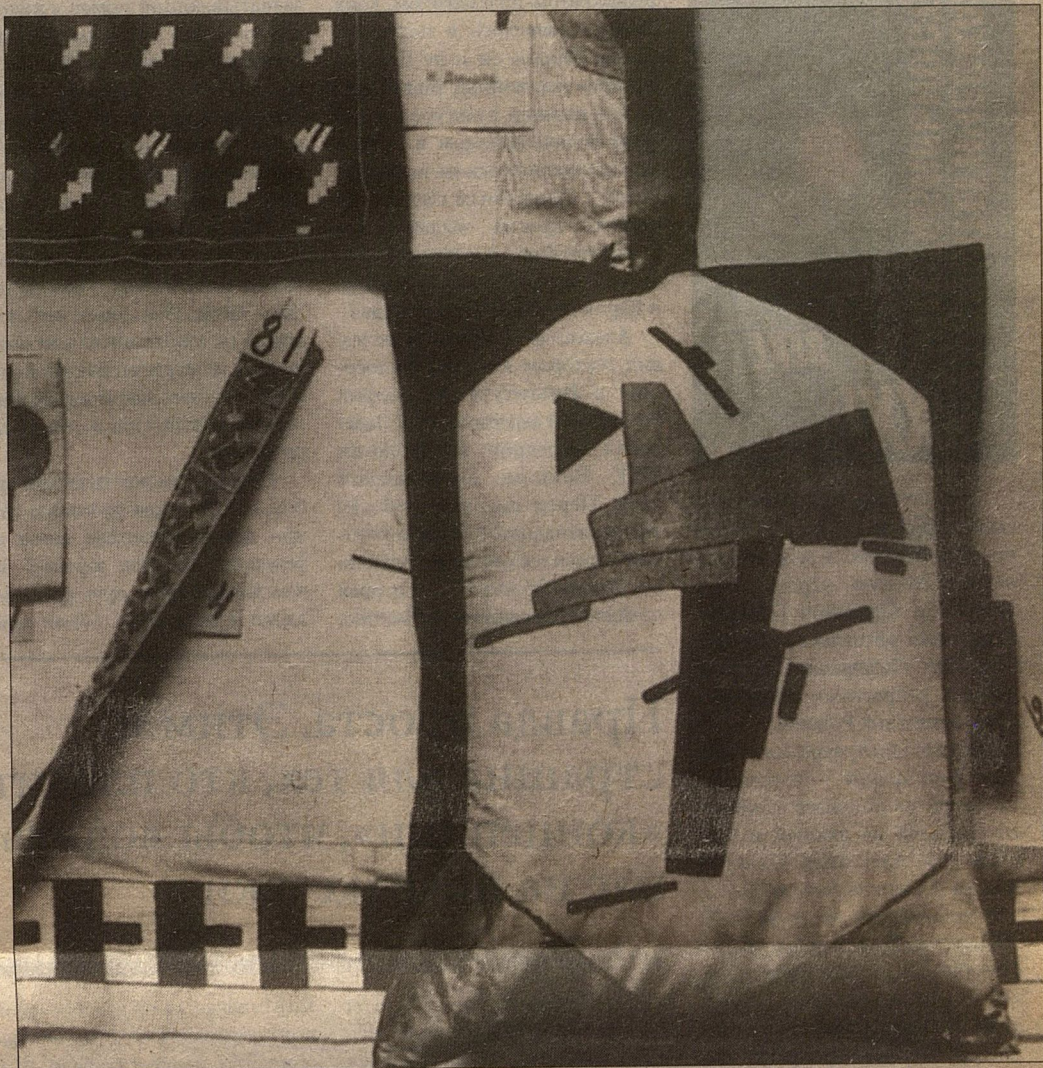
решили обойтись без них. Так что претензией на исчерпывающий охват источников сборник тоже не грешит. В остальном же книга с научной точки зрения безупречна. Тщательно продуманная последовательность частей – от автобиографических заметок к письмам, от писем к документам, от документов к воспоминаниям родственников и друзей, от воспоминаний к критике – сообщает неудобоваримой массе архивных материалов четкую архитектуру. Попадись это издание в руки самому Малевичу, неутомимому борцу за идею пространства и движения, тот должен был бы быть доволен: его образ предстает здесь многомерным и на редкость динамичным.

Нет нужды в двух словах описывать, каким же человеком на самом деле был Казимир Северинович. Да это и невозможно сделать. Если даже люди, близко знавшие художника, кардинально расходились в своих суждениях о его характере (одни говорят, он был замкнут, другие – был экстравертом, у одних он выходит грубым и черствым, у других

– ласковым и доброжелательным и т.д. и т.п.), то куда уж нам, пусть даже и вооруженным сводом исторических свидетельств, разобратся в тайнах его натуры! Проще сказать, каким он не был. Например, он не был тем самодовольным неучем, «неграмотным косноязычным», каким он может показаться в манифестах 1910-х годов: грех недостаточной образованности Малевич за собой охотно признавал, но при этом не без основания замечал, что «нельзя сказать, чтобы грамматика была всем или если бы... знал грамматику, то поумнел». Не был он и человеком идейно упертым: когда его ближайший друг художник Иван Клыон написал Малевичу о своем открытии предметного искусства, Малевич сначала обвинил его в предательстве, однако потом, говорят, и сам вдруг страшно воодушевился перспективой предметности. И это после двух десятилетий бескорыстного служения мистерии беспредметного! Кстати говоря, и в этой области признанный первооткрыватель супрематизма не наделял автор-

скими правами единственно себя, а скорее приписывал себе дар ясновидца и пророка «новой вселенной»: «Итак, милые друзья, я ничего не изобрел, но я увидел, ибо так много сложено в бесконечной чаше мозговой влаги. Я увидел линию экономики и устанавливаю ее как пятую меру нашего совершенства, только в ней и через нее наш путь и наше единство...»

Двухтомник подкупает не только рельефностью образа главного героя, но и скрупулезной работой комментаторов. Каждый публикуемый документ – будь то письма, воспоминания родственников или метрическая справка – сопровождается библиографическими сносками. Каждая двусмысленность в речи подвергается уточняющему разъяснению. Это тем более приятно, что образный, косноязычно-поэтический язык Малевича, мифологический строй его мысли побуждает читателя как раз к обратному – к пафосу ниспровержения канонов. Однако есть все-таки глубокая правда в том, что со временем и геростратам возводят храмы.

В новой вселенной и подушки должны быть супрематическими.

Фото экспонатов второй «Выставки современного декоративного искусства «Вербовка». Москва, 1917 г. Справа – вышивка на подушке по эскизу Малевича